Иванченко Мария Александровна

аспирант, преподаватель

ФГАОУ ВО «Московский государственный институт
международных отношений (университет) МИД России»

г. Москва

DOI 10.21661/r-555101

РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ И АРГЕНТИНЫ В 30–40-е ГОДЫ XX ВЕКА

Аннотация: статья посвящена рассмотрению особенностей развития политической системы России и Аргентины в 30–40-е годы XX столетия. Отдельный акцент сделан на формировании государственной политики и ключевых аспектах создания политических институтов в период правления Сталина в России в контексте развития коммунистической идеологии и социалистического строительства. Автором также обозначено, что либеральная система, установленная Конституцией 1853 г. в Аргентине, показала свою неспособность справиться с политическими, социальными, экономическими и идеологическими вызовами и трансформации Аргентины после фальсификации выборов в 1930 г.

Ключевые слова: политическая система, Россия, Аргентина, идеология, политические партии.

Актуальность. Политическая система общества, претерпевающего в настоящее время трансформационные изменения, находится на модернизационном этапе развития, что выводит ее в статус объекта исследований и профессионального интереса политологов, юристов, философов, социологов, историков и специалистов в области других гуманитарных наук.

Вследствие обозначенных сдвигов, в настоящее время одной из насущных проблем, которой занимается политическая наука, является выработка четких представлений о последствиях институциональных изменений. Вопросы развития демократии, демократических транзитов, трансформаций политических си-

стем стали в последние десятилетия одним из основных направлений политической науки. Задача выяснения источников изменений политических институтов и прогнозирование их последствий особенно остро встала в начале XX в., когда ряд стран Африки, Латинской Америки и Восточной Европы начали отход от авторитарного образа правления и стали на путь демократического развития. В связи с этим перед политологами актуализировалась проблема разработки оптимального типа институционального устройства, который мог бы обеспечить новым государствам демократическое правление.

В данном контексте значительный интерес представляет опыт достаточно непростого развития политической системы Аргентины и России в 30–40-е годы XX века, поскольку эти две страны столкнулись с аналогичными проблемами государственного устройства, особенно в сфере экономики и политики. И, несмотря на то, что пути, которые пришлось в XX веке преодолеть России и Аргентине, очень разные, можно выделить несколько факторов, свидетельствующих в пользу целесообразности рассмотрения их через призму компаративизма.

Это, во-первых, ведущая роль государства во всех трансформационных процессах. Во-вторых, это такой феномен, как «жизнь в прошлом», где, как многие считают, сконцентрировались и реальные, и мнимые национальные достижения. В-третьих, тенденции к государственному вмешательству и изоляционизму. В-четвертых, авторитаризм действующей власти и непопулярность среди населения. В-пятых, обе страны осуществили индустриализацию, которая прошла с запозданием и по факту лишь укрепила удобные и безопасные для власти естественные монополии. В-шестых, доминирование в государственном аппарате и концентрация на ключевых руководящих должностях небольшой самовоспроизводящейся элиты.

Отдельное внимание необходимо сделать на том, что выбор для сравнительного анализа России и Аргентины также обусловлен тем фактом, что действующее в рассматриваемый исторический период правительство стран продвигало напористый и дисциплинированный национализм, поощряло культ личности,

призывало к экономической самодостаточности в нацистском стиле и «корпоративизму», обязательными элементами которого является сильное правительство, организованный труд и промышленные конгломераты, совместно направляющие и управляющие экономическим ростом. В рамках таких принципов и идеологических установок государство владело и руководило не только естественными монополиями, такими как вода и электричество, но и всем, что выглядело большим и стратегическим – сталелитейными, химическими, автомобильным, машиностроительными заводами, угольными предприятиями, шахтами, АПК и т. д.

Также следует отметить, что и Россия, и Аргентина имели конкурентные отношения с США. В таких обстоятельствах советское правительство извлекало выгоду из двух политических проблем в Латиноамериканском регионе: капиталистической эксплуатации и иностранного господства. Поддерживаемый Советским Союзом коммунистический режим Аргентины пытался мобилизовать промышленных и сельскохозяйственных рабочих против «эксплуатации», навязанной «правлящими классами», а также получить поддержку против «иностранного господства», в качестве которого рассматривались Соединенные Штаты.

В тоже время, необходимо отметить, что современная философско-правовая наука, накопив серьезный массив исследований в области теории политической трансформации и модернизации различных стран мира, а также достигнув определенных успехов в осмыслении отдельных прикладных проблем управления государством в разработке фундаментальных и актуальных моментов политической модернизации формулирует ряд нерешенных принципиальных вопросов, возникновение которых является закономерным этапом развития практически любой страны, развивающейся в направлении цивилизационных преобразований. В данном контексте трансформация политических институтов в переходных обществах, которая нашла свое проявление в начале XX в., предопределила необходимость пересмотра теорий о развитии государства и социума, а с другой – дала шанс лучше понять природу политических и социальных процессов, происходящих в современных странах.

С учетом вышеизложенного, исследование преобразований и трансформаций политических систем в России и Аргентине в начале XX века с точки зрения выявления схожих и отличительных черт, представляется важной научно-практической задачей, которая и обуславливает выбор темы данной статьи.

Предметом исследования является особенности и отличительные черты развития политической системы России и Аргентины в 30–40-е годы XX века

Объектом исследования являются социально-экономические и политические структуры, функционирующие в России и Аргентине в 30–40-е годы XX века.

Анализ публикаций по теме исследования. Процессы становления и развития политических систем в разных странах мира рассматривают в своих трудах Simon Nix, F. Chris Garcia, Fulvio Attinà, David E Wilkins, С.А. Никоненко, В.Ф. Пеньков, А.В. Городков.

Трансформационные политические сдвиги и формы их развития в современной научной мысли исследовали такие ученые, как Lukman Thaib, R.E. Dennett, Rami Zeedan, Shefali Roy, С.В. Ширяева, Е.В. Розанова, П.В. Харламов.

Детальному рассмотрению вопросов преобразования и развития политической системы России через призму происходивших революций и войн, посвятили свои работы А.Н. Гришковец, Т.А. Долгополова, С.В. Краузе, В.Н. Ларионов, Е.А. Пушкарев, С.А. Воронцов, О.Ю. Керимов.

С особенностями функционирования политических институтов в странах Латинской Америки в различные исторические периоды можно ознакомиться в публикациях Caba-Perez, С.; Lopez-Hernandez, A. M.; Ortiz-Rodriguez, D.; Ernesto Calvo, Н.В. Отческой, Е.Н. Максимовой, С.С. Осмоловец, В.П. Казакова.

Нерешенные вопросы. В то же время, несмотря на большое количество научных исследований в данной сфере, в центре внимания все еще остаются вопросы сущности и содержания, форм и специфики внутренней структуры процесса социально-политической модернизации государств. Отдельного внимания заслу-

живает процесс становления политико-правовых основ функционирования политической системы в России и Аргентине, ключевые аспекты обеспечения деятельности, взаимодействия и противовеса различных ветвей власти.

Автор подробно рассматривает такие аспекты темы как централизация государственных рычагов управления в России и реализация коммунистической революции с приходом к власти В.И. Сталина, особенности построения командной экономики, сущность и способы осуществления партийно-государственного контроля. Также отдельный акцент сделан на предпосылках и факторах, которые способствовали появлению «перонизма» в Аргентине, детально описаны особенности политической системы страны.

Основное внимание уделяется политико-идеологическим, административно-территориальным и экономическим основам развития России и аргентины в 30–40-е годы XX века.

Таким образом, с учетом вышеизложенного, *цель статьи* заключается в детальном изучении особенностей развития политической системы России и Аргентины в 30–40-е годы XX века.

Результаты. В середине 1923 г. Сталин стал главным действующим лицом Кремля, а не просто генеральным секретарем ЦК РКП (б) и соответственно фактическим руководителем России [1]. Это время можно считать началом сталинской эпохи в осуществлении коммунистической революции и новым этапом развития политической системы страны, которая, необходимо отметить, была логичным продолжением начинаний Ленина по выстраиванию такого механизма управления, который по своей природе был враждебным к любой форме участия народа в политике.

Эта традиция жесткой централизации, когда принятие решений сосредоточено на высших партийных уровнях, достигла новых масштабов при Иосифе Сталине. Как показывают многие архивные документы, вклад «снизу» в разработку государственной политики и стратегий был невелик. Партийная элита определяла цели развития страны и средства их достижения в почти полной изо-

ляции от народа. В рамках действующей политической системы уверенно закрепились утверждение, что интересы личности должны быть принесены в жертву интересам государства, которое выполняет священную социальную задачу. Сталинская «революция сверху» стремилась построить социализм с помощью насильственной коллективизации и индустриализации – программ, которые повлекли за собой огромные человеческие страдания и гибель людей [2].

В первые годы своего правления Сталин заменил ленинскую систему управления новой политикой высокоцентрализованной командной экономики, которая контролируется государством и целью которой является построение индустриальной страны. В развитии политической системы России на протяжении рассматриваемого периода можно выделить различные политические инициативы, такие как революция сверху, коллективизация и индустриализация (1927–1932), Большой террор (1932–1938), Вторая мировая война (1939–1945).

Политическая система России в 30–40-е годы XX ст. выстраивалась и претворялась в жизнь через советские органы власти, которые принимали законы, согласованные предварительно в политбюро ЦК ВКП (б). И в условиях активного построения коммунистического режима, партийное руководство все чаще начинало обнародовать приравненные к законам постановления, которыми должны были руководствоваться все органы власти. Одним из первых было постановление ЦК ВКП (б) «Об основных итогах и очередные задачи в области контрактации зерновых посевов» [3]. Согласно этому документу отношения между городом и деревней переводились на совершенно другие экономические основы – коммунистические. В этом постановлении контрактация рассматривалась как «средство организации планового продуктообмена между городом и деревней».

Советская конституция 1936 года была демократической, но только на бумаге. Симбиоз компартийной диктатуры с властью советских органов давал возможность выстраивать государство в произвольных формах. Видимые конструкции не имели особого значения, так как за ними скрывалась не отраженная в Конституции диктатура жестко централизованной партии. Такая особенность

позволяла выстроить национальную советскую государственность, не ставя под угрозу централизованный характер развития страны, который был заново воссоздан после распада Российской империи.

К 1938 году Сталин подчинил все стороны жизни советского общества жесткому партийно-государственному контролю, не терпя даже малейшего проявления местной инициативы, не говоря уже о политической неортодоксальности. Сталинское руководство чувствовало особую угрозу со стороны интеллигенции, чьи творческие усилия пресекались строжайшей цензурой; религиозных групп, которые преследовались и загонялись в подполье; и нерусских национальностей, многие из которых были массово депортированы в Сибирь, поскольку у партийного руководства были сомнения в их лояльности.

Что касается политической системы Аргентины периода 30–40 х гг. XX ст., то в последние годы все больше количество исследователей пересматривают этот один из наиболее противоречивых периодов в истории Аргентины: шестнадцать лет между военным переворотом в сентябре 1930 года и избранием Хуана Перона президентом в 1946 году. Эти годы традиционно интерпретировались как переходный период, «прелюдия» к появлению «перонизма», характеризующаяся упадком либеральной республики XIX века в условиях политического и идеологического кризиса, экономических и социальных преобразований [4].

Признавая некоторые из этих особенностей, новые исследования подчеркивают размытость политических и идеологических границ основных политических и социальных акторов Аргентины того периода. Например, они показывают, что Радикальная и Социалистическая партии, а также консервативные группы, объединившиеся в правящую коалицию *Concordancia*, были глубоко разделены и далеки от идеологической однородности, а различные позиции по вопросам государственного экономического вмешательства, свободной торговли и индустриализации порождали как резкие внутрипартийные разногласия, так и межпартийные совпадения [5].

В целом исследователи считают, что в 30–40 х гг. XX ст. политическая система страны отличалась постоянными преследованиями политических оппозиционных партий и повсеместной коррупцией в правительстве.

К сожалению, Аргентина не смогла закрепить политический переход к демократическому режиму с соответствующей системой сдержек и противовесов. С 1930 по 1940 год Аргентина отошла от открытых легитимных выборов. Политическая напряженность между действующей радикальной партией и смещенной консервативной элитой в сочетании с последствиями Великой депрессии привела к военному перевороту и фальсификации выборов, которые вернули консерваторов к власти.

Несмотря на высокую оценку их экономической политики во время Великой депрессии, фальсификации на выборах, совершенные консерваторами, а также молчание Верховного суда подорвали авторитет этой партии у народа. Подобные действия подготовили благоприятную почву для популистской политики и институциональных реформ Хуана Перона. Нейтральная позиция Верховного суда, по мнению многих ученых, нивелировала зарождающиеся основы демократической политической системы, которая могла бы привести к созданию цивилизованного государства.

При этом примечательным является тот факт, что после избрания «перонисты» объявили импичмент четырем из пяти судей Верховного суда на основании их поведения в 1930-е годы, а также за препятствование воле популистов. Начиная с Перона и по сей день, результатом существования сложившейся политической системы стала политическая и экономическая нестабильность. И военные, и демократические правительства вмешивались в работу судебной системы. Показателем отсутствия разделения властей служит высокий уровень текучести кадров в Верховном суде в результате импичмента и вынужденной отставки.

Данные факты являются исторически значимыми с точки зрения развития и определения перспективного вектора совершенствования политической системы страны. Автор поддерживает точку зрения, что именно эрозия зарождающейся системы убеждений, предполагающей честные выборы и потенциальную роль

Верховного суда в качестве мощного инструмента вето на экспроприацию законодательной или исполнительной власти, а также неспособность укрепить эту систему в течение 1930-х годов, привели к первоначальной популистской привлекательности Перона.

Консервативные режимы 1930–40-х годов в Аргентине остановили импульс политических и социальных реформ, начатых радикальными правительствами. Их неспособность подкрепить относительно здоровую экономическую структуру социальными и политическими механизмами, обеспечивающими растущую безопасность и политическое участие для сельских и городских масс, способствовала созданию революционных возможностей. В данном контексте справедливым считаем утверждение César Rodríguez-Garavito, который отметил, что консерваторы, выиграла битву путем мошенничества, но проиграли войну, отказавшись от верховенства закона [6].

Основными выводами проведённого исследования являются следующие.

Политическая система России и Аргентины в 30–40-х гг. XX столетия имела достаточно простые и политически неэффективные авторитарные режимы. Чтобы управлять страной, они использовали принуждение, насилие. Сталинизм характеризовался институтом огромного партийно-государственного бюрократического аппарата, командной экономикой, культом личности вокруг верховного лидера, который инициировал и контролировал репрессии.

В Аргентине запрещались законодательные органы и партии, правительство не признавало оппозицию и не имело никаких контактов с ней, что очень схоже в Россией, в которой доминировала одна – коммунистическая партия и идеология. Также для обеих стран характерным было непринятие государственно-корпоративистских стратегий. Органы власти всеми силами дезактивировали политическое участие граждан.

Новизна исследования заключается в проведении анализа на основании принципов историзма и компаративизма схожих и отличительных черт развития

политических систем России и Аргентины в 30–40-е годы XX века, что в результате позволило более четко сформулировать особенности построения властных отношений в рассматриваемых странах.

Список литературы

1. Султанов С.А. Генезис советской политической системы // Qazaqtaný. – 2020. – №5 (5). – С. 68–73.
2. Лившин А.Я. Коммунистическая партия в системе власти в СССР // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2018. – Т. 11. №3. – С. 13–35.
3. Stalin's World: Dictating the Soviet Order / Sarah Davies and James Harris. – New Haven: Yale University Press, 2014. – 340 p.
4. Polity: demystifying democracy in Latin America and beyond / Joe Foweraker. Boulder, Colorado: Lynne Rienner Publishers, 2018. – 224 p.
5. Corporatism and national development in Latin America / Howard J. Wiarda: Routledge, 2019. – 400 p.
6. Law and society in Latin America: a new map / edited by César Rodríguez-Garavito. Milton Park, Abingdon, Oxon. – New York: Routledge, 2015. – 293 p.